
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

А. Б. Николаев,
профессор кафедры русской истории

О ФОРМИРОВАНИИ СОСТАВА ДИРЕКТОРОВ СРЕДНИХ ШКОЛ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1725 — 1917 гг.)

В 2010 г., объявленном Годом учителя, закономерно возросло внимание государства и общества как к фигуре учителя, так и к самой средней школе. В связи с этим определенный интерес представляет вопрос о том, каковы были источники формирования состава директоров средних школ дореволюционной России, какое место среди них занимало учительство. Ответ на этот вопрос и предлагается в данной статье.

От царствования Петра I до александровских реформ

Аналогом сегодняшних средних общеобразовательных учебных заведений, не только дающих общее образование, но и предоставляющих необходимую подготовку и право поступления в высшие учебные заведения, в дореволюционной России были гимназии. История гимназий ведет свое начало с XVIII века. Первое общеобразовательное среднее учебное заведение было учреждено в 1724 г. при Академии наук в Санкт-Петербурге — Академическая гимназия¹. Начала она свою деятельность лишь в 1726 г.². Вслед за этим в 1755 г. гимназия была учреждена при Московском университете, а в 1758 г. (по образцу гимназии при Московском университете) была создана гимназия в Казани.

Как видно, Академическая гимназия около 30 лет оставалась первой и единственной гимназией в России. Именно в ней власти впервые столкнулись с таким понятием, как управление средним учебным заведением, подбор кадров, в том числе и начальствующего звена. Во главе Академической гимназии стоял ректор. В п. 5 «Расположения Санктпетербургской гимназии в 1748 г.» указывалось, что ректору «как за учащими, так и за учащимися поручено смотреть их понятие, прилежание и т. д. и поступки и неусыпно стараться о приращении гимназии» [здесь и далее при цитировании сохраняются стиль, орфография и пунктуация оригинала. — *Ред.*]. Согласно этому же пункту, ректор Академической гимназии подчинялся Канцелярии Академии наук, в которую посылал ежемесячные отчеты о состоянии дел во вверенном ему учебном заведении.

Кроме ректора, в Академической гимназии были и другие руководящие должности — инспектор, конректор и главный инспектор. Распределение обязанностей между этими лицами было следующее: ректору принадлежало общее наблюдение за гимназией, инспектор являлся фактическим руководителем, конректор осуществлял надзор за учащимися, главный инспектор — обеспечивал связь между Академической гимназией и Академией наук.

Подбор руководящих кадров осуществлялся президентом Академии наук и Канцелярией Академии наук. Ставка в первое время делалась на ученых, которые приглашались из-за границы или иностранных ученых на русской службе. При этом Академия наук неоднократно ставила вопрос о подготовленности ученых-иностранцев к занятию руководящих должностей в Академической гимназии. Пожалуй, первый из наиболее ярких эпизодов такой постановки вопроса произошел в 1757 г. и был связан с ректором Академической гимназии магистром Ротгакером, приехавшим из Тюбингена. В этом году на имя президента Академии наук графа К. Г. Разумовского были присланы жалобы на Ротгакера от ряда дворян, дети которых учились в Академической гимназии. Дворяне

жаловались Разумовскому на строгости, которые царили в гимназии и, в особенности, «при учении древних языков». Разумовский по этому поводу писал в Канцелярию Академии наук: «Ректор Ротгакер человек новоприезжий, ни языка, ни нрава наших молодых людей не знающий, и потому весьма неспособен к надзору за поступками и обычаями ... гимназистов». Выход из этой ситуации был найден необычный. Ротгакер формально остался ректором гимназии, но в действительности был низведен «на степень преподавателя древних языков старшего класса гимназии». Инспектор гимназии, им тогда был адъютант Академии К.Ф. Модерах, ставился в независимое положение от ректора.

Второй случай имел место в 1764 г. во время избрания на должность ректора гимназии К. Г. Киница, который раньше был конректором в Гданьске, а затем служил конректором Академической типографии в Санкт-Петербурге. Президент Академии наук поручил профессорам И. Э. Фишеру, И. А. Брауну и С. К. Котельникову «проэкзаменовать» К. Г. Киница. По результатам экзамена Киниц был назначен ректором гимназии. К сожалению, «расписание» этой экзаменовки выявить не удалось. Но, скорее всего, его экзаменовали в знании русского языка и учености.

Заметим, что успешно сданный экзамен на должность ректора, как выяснилось позднее, не привел к тому, что во главе гимназии оказался дельный администратор. Судя по всему, дела в гимназии шли плохо. Хуже всего было с дисциплиной. При Кинице сменилось два конректора и инспектор. В феврале 1767 г. в гимназию был назначен главный инспектор И. Э. Фишер. Академическая канцелярия приказала Киницу подчиняться распоряжениям Фишера («быть послушным»). Однако все эти кадровые перестановки и попытки навести порядок в гимназии не привели к улучшению обстановки. Даже наоборот, гимназическое хулиганство достигло скандальных размеров — 23 октября 1767 г. гимназисты подожгли гимназию. Было проведено специальное расследование, в результате которого гимназисты-поджигатели понесли наказание. Пострадало и руководство гимназии: Киниц, «за все эти беспорядки» был уволен от должности ректора, а Фишер потерял должность главного инспектора.

Третий эпизод связан с конректором И. Г. Стриттером (Штриттером), филологом и специалистом по византийской истории. Он был уроженцем земли Нассау-Зигене и получил должность конректора по протекции А. Л. Шлецера. В Академической канцелярии посчитали, что Стриттер не справился со своими обязанностями из-за того, что слишком много времени уделял не студентам, а занятиям наукой. 14 марта 1767 г. Стриттер был уволен от должности конректора «под предлогом его занятий византийской историей». В 1771 г., благодаря стараниям инспектора гимназии Г. Л. Бакмейстера, И. Г. Стриттер был восстановлен в должности конректора. Выполняя свои должностные обязанности по надзору за студентами, он спровоцировал в сентябре 1777 г. конфликт: гимназисты «прибили» Стриттера, т. е. избили его. В декабре того же года Стриттер и Бакмейстер были уволены³.

Подчеркнем, что с того момента, когда 18 августа 1758 г. президент Академии наук граф К. Г. Разумовский поручил М. В. Ломоносову «заведывание ученою и учебною частью в Академии» кадровая политика резко изменилась. Ломоносов считал, что руководителями Академической гимназии должны работать «природные россияне». Именно по настоянию Ломоносова был уволен от должности инспектор К. Ф. Модерах и вместо него назначен на эту должность С. К. Котельников⁴. Заметим, что Модерах, до назначения на должность инспектора был адъютантом Академии наук, хорошо владел русским и несколькими иностранными языками, а кроме этого, был педагогом и содержал у себя

частный пансион для дворянских детей. Кстати, и по должности инспектора каких-либо серьезных замечаний и взысканий он не имел. Но все эти качества и заслуги не спасли его от увольнения.

Укажем, что опыт русских ученых по руководству Академической гимназии вряд ли можно назвать полностью успешным. Это имеет непосредственное отношение к профессору Котельникову, который был инспектором гимназии в 1761—1766 гг. Котельников не жил в здании гимназии и редко в ней бывал. Канцелярия Академии наук письменно обращалась к инспектору Котельникову с предложением «посещать гимназию, по крайней мере, в те дни, когда он бывал в Академии, и, кроме того, от времени до времени заходить туда». Но, видимо, Академическая канцелярия не надеялась на выполнение Котельниковым распоряжений относительно посещения гимназии. И в январе 1766 г. он был удален от должности инспектора. Вместо него был назначен педагог Бакмейстер. Определенный интерес в связи с увольнением Котельникова и назначением Бакмейстера имеет протокол Академической канцелярии от 2 января 1766 г.: «По исправлении ныне, сколько возможно было, прежнего худого состояния <...> гимназии, и по установлению, как учения <...> гимназистов, так и их содержания на добром и для будущих успехов надежном состоянии, неотменно требуется, дабы главным надзирателем не только над учением, но и над поступками и благонравным поведением учащегося при Академии на казенном содержании юношества определен был такой человек, который бы, живучи в этом же доме, беспрестанно их в глазах своих имел, и являющиеся недостатки и неисправности тотчас поправить мог, и притом бы и всю учрежденную для них экономию содержал во всегдашнем добром порядке. А как г-н профессор Котельников, которому сие до ныне поручено было, во-первых, от той должности имел себе великое препятствие подлежащих ему яко академику, ученых упражнениях, второе, за неимением в университетском доме довольных покоев, с фамилией там жить не может <...> Канцелярия Академии Наук, приняв в уважение сколь нужно, дабы в должности инспектора над гимназиею <...> определен был человек единственно в том упражняющийся, и никаким другим делом необязанный <...>».

Реформа образования, которую провела Екатерина II, добавила к уже имевшимся гимназиям главные народные училища, которые приближались по своему уровню к средним учебным заведениям. Главные народные училища были организованы по уставу 1786 г. в 25 губернских городах. Согласно уставу 1786 г., к кандидатам на занятие должностей директоров главных народных училищ выдвигались следующие требования: «Директор должен быть любителем наук и знающий цену воспитания». Назначение директоров главных народных училищ находилось в руках местных властей (§ 69)⁵. Подводя итог формированию директорского корпуса народных училищ, министр народного просвещения П. В. Завадовский в своем распоряжении от 13 июля 1803 г., писал, что директоры народных училищ «определяемы были земским начальством нередко без дальнего внимания к способностям и сведениям, для таковых мест потребным»⁶.

Представленные материалы о подборе руководящих кадров в Академической гимназии позволяют сделать некоторые предварительные замечания. В письме Разумовского, в котором анализировалась деятельность Ротгакера, сформулированы, пожалуй, впервые, требования к лицу, занимающему должность ректора гимназии. Среди них: знание русского языка, знание нрава русской гимназической молодежи и, вытекающее из этого, а на самом деле имеющее и самостоятельное значение, педагогические способности руководителя.

В случае с Киницом наибольшее значение имеет сам факт проведения экзаменов для занятия должности руководителя гимназии. Это говорило о том, что в Академии наук искали способы и формы проверки подготовленности кандидатов на ректорскую долж-

ность. Заметим, что экзамены на должность руководителя гимназии не получили распространения. Во всяком случае, других фактов экзамена на должность руководителя гимназии в истории дореволюционной России выявить не удалось.

Из увольнений Котельникова и Стриттера можно сделать два вывода: во-первых, в Академической канцелярии признали, что для занятия должностей инспектора и конректора необходимы педагогические способности и навыки воспитателя, каковых у них не оказалось; во-вторых, занятия наукой были объявлены несовместимыми с должностями инспектора и конректора.

Что касается директоров главных народных училищ, то очень важную роль при их назначении играли, видимо, не столько личные и профессиональные качества, сколько протекции. Можно предположить, что именно это обстоятельство и привело к тому, что они оказались весьма слабыми руководителями.

Царствование императора Александра I (1801 — 1825)

24 января 1803 г. в именном указе «Об устройстве училищ» устанавливалось, что в каждом губернском городе должна быть открыта гимназия во главе с губернским директором училищ (§ 9). В следующем параграфе указывалось, что директора определяются Главным правлением училищ, по представлению университета того округа, к которым эти гимназии принадлежат⁷. Но уже в «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» от 5 ноября 1804 г. (§ 64) в эту формулу был введен попечитель учебного округа: «Директор Гимназии избирается Университетом того округа, к которому она принадлежит, и, по представлению Попечителя в Главное Училищ Правление, утверждается Министром Народного Просвещения»⁸.

Что касается требований к кандидатам на занятие должности директора гимназии, то первым из них стало указание на «состояние» в определенном классе «Табели о рангах». В § 10 закона «Об устройстве училищ» (1803 г.) указывалось, что директора гимназий должны состоять в 7-м классе (надворный советник). Указание на то, что директор гимназии состоит в 7-м классе чиновников, «если выше чина не имеет» содержалось и в «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам». Это требование стало обязательным и вводилось в уставные документы университетов.

Вместе с тем выяснилось, что на практике «многие, по уважению отменных сведений и способности, определяются в звание Директоров училищ, хотя имеют чины ниже 7-го класса, в котором положено быть сим чиновникам, по общим правилам училищной части». Эта проблема была разрешена Главным правлением училищ. 22 ноября 1806 г. оно издало распоряжение «О допущении Директорами училищ лиц ниже 7-го класса в звании состоящих в должности». В нем указывалось: «Правление, чтобы не заградить, с одной стороны, пути достойным людям вступать в сие звание единственно потому, что они не состоят еще по службе в классе, коего впоследствии могут достигнуть, и по сей причине не отчуждать их свойственной им должности, а училища не лишать явной пользы; с другой стороны, дабы в сем звании отличить состоящих в 7-м и высших классах, положило: всем Директорам училищ имеющих чины ниже, почитаться в должности Директора <...>; тем же, кои находятся в 7-м и высших классах, быть и именоваться Директорами»⁹. Иначе говоря, распоряжение вводило для чиновников, находившихся в классе ниже 7-го, формулу — «в должности директора гимназии» («исправляющий должность директора»).

Вновь к этому вопросу Главное правление училищ было вынуждено вернуться в 1822 г. благодаря представлению попечителя Казанского учебного округа, который указал на «неудобства», возникающие из-за того, что директора, не имеющие чина 7-го класса именуется

«исправляющими должность». Среди них следующие: «1) начальники под сими именованиями не имеют довольно уважительности ни в публике, ни в глазах подчиненных, разумеясь как будто на время определенными; 2) в губерниях, составляющих Казанский Округ, кроме Грузии, двое только называются директорами — Пермский и Кавказский, все прочие в должности; 3) ни в какой службе чиновники не определяются с наименованием исправляющий должность иначе как временно <...>». Попечитель Казанского округа писал, что лучше уже тогда «не определять чиновников ниже 7-го класса к директорским должностям <...>, нежели определять с сею неопределенностью их значения, как бы только на испытание»¹⁰. 23 августа 1822 г. Главное правление училищ приняло определение на основании высочайше утвержденного 8 февраля 1822 г. постановления, согласно которому формула «исправляющий должность» отменялась. Директоры, не имеющие чина 7 класса, не должны были присоединять к наименованию директора этого класса, пока его не выслужат¹¹.

Возвращаясь к вопросу формирования руководящего состава средних учебных заведений, обратим внимание на то, что директор гимназии избирался университетом. Это заставляет предположить намерение законодателя видеть в этой должности лицо, профессионально связанное с университетом и имевшее ученую степень. И действительно, § 65 «Устава учебных заведений, подведомых Университетам» требовал, чтобы директор «был сведущ в науках».

«Классность» директорской должности (7-й класс) позволяет, кажется, даже установить тот слой профессорско-преподавательской среды, представители которых могли претендовать на занятие должности директора гимназии. 7-му классу соответствовала должность ординарного профессора. Иначе говоря, и на первый взгляд, именно ординарный профессор мог быть единственным кандидатом на должность директора. Эта ситуация, кстати, указывается в постановлении «О порядке производства в чины по учебной части» (14 января 1811 г.)¹². § 6 говорит о директоре гимназии, который одновременно состоит в действительном учебном звании профессора.

Вместе с тем лицо, представляемое на должность директора гимназии, могло находиться и в более низком классе (ниже 7-го класса). Наши рассуждения подтверждает постановление «О порядке производства в чины по учебной части», где в § 6 говорится о директоре гимназии, состоящем в действительном ученом звании доктора (8-й класс «Табели о рангах» — коллежский асессор).

Директорский корпус мог пополняться и за счет учителей. Так, § 65 «Устава учебных заведений, подведомых Университетам» (1804 г.) требовал, чтобы директор «мог исправно судить об искусстве учителей и успехах учеников», а это, несомненно, предполагало его предыдущий учительский опыт. В § 73 этого же документа есть норма, которая намекает на то, что директор должен иметь учительскую подготовку. Речь идет о том, что в случае отсутствия учителя, директор занимал его место и проводил уроки. Однако такое поведение директора не являлось обязательным, и он мог занимать «место отсутствующего учителя» «по обстоятельствам иногда».

Приведенные выше два источника наполнения директорского корпуса — лица, имевшие ученую степень, и лица, из числа старших учителей, — выступали и в качестве требований к кандидатам на должность директора гимназии. Иначе, говоря, директором гимназии мог быть человек подготовленный. И в эту подготовку входило: а) наличие высшего образования; б) ученой степени; в) опыт преподавательской (в вузе или школе) работы. Заметим, что какой-либо нормы, посвященной высшему образованию, как обязательному условию занятию должности директора, в документах не содержалось. Наличие высшего образования, видимо, предполагалось по умолчанию.

В «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» содержались и другие требования к кандидатам на занятие должности директора гимназии. § 65 «Устава учебных заведений» требовал, чтобы директор «был сведущ в науках <...> деятелен, благонамерен, любил порядок и добродетель, усердствовал пользам юношества и знал цену воспитания»¹³. В «Уставе учебных заведений, подведомых Императорскому Дерптскому Университету», от 4 июня 1820 г. (§ 154) обнаруживаем, наконец, условие, которое намекает на управленческие качества лица, избираемого директором гимназии, — «умеющий вести дела, чтобы проходить с успехом свою должность», «иметь чистейшую нравственность и благочестие, характер твердый и постоянный, дабы достойно управлять». Кроме этого, директор должен был быть благоразумным и честным.

Итак, в период царствования Александра I какого-либо испытания (экзамена) при вступлении того или иного лица в должность директора гимназии не производилось. Исключение составляли лица, не имеющие чина 7-го класса. Напомним, что с 1804 г. и по 1822 г. лица, имеющие чин ниже 7-го класса, при вступлении в должность директора именовались «исполняющими должность директора», а не действительным директором. Думается, они оказывались в положении человека взятого на работу с испытательным сроком. Этот срок заканчивался только тогда, когда директор выслуживал 7-й класс. Высочайшей властью 8 февраля 1822 г. было разрешено, чтобы директора училищ могли получать чин 7-го класса после 9 лет службы в должности директора. Но это разрешение было принято уже после отмены существовавшего испытательного срока. Конечно, вопрос о времени «испытательного срока» требует специального исследования чинопроизводства директоров гимназий. Но, думается, что высочайшее разрешение от 8 февраля 1822 г. было принято на основе уже накопившегося опыта чинопроизводства директоров и для чиновника 8-го класса (коллежского асессора) составляло 5 лет, а для чиновника 9-го класса (титулярного советника) — 9 лет.

Также лица, претендующие на занятие директорской должности, не проходили специальной подготовки на каких-либо курсах. Хотя после введения экзамена на чин, согласно указу от 6 августа 1809 г.¹⁴, те из директоров, которые уже имели чин коллежского советника (6-й класс «Табели о рангах»), при производстве в статские советники (5-й класс) должны были выдерживать испытания (экзамен), если не имели ученых званий или не были из учителей, для которых экзамена на чин не требовалось. Но и это правило было отменено для них 8 февраля 1822 г. Считалось, что никаких испытаний для директоров гимназий не должно быть вообще, так как «надзор, под коим состоят и Директора, равно как все служащие при Училищах, может быть почитаем сам по себе за непрерывное испытание»¹⁵.

Характерными принципами формирования директорского корпуса гимназий в рассматриваемый период были следующие: 1) избрание директоров проводилось университетами на конкурсной основе и в дальнейшем происходило представление попечителем избранных лиц на утверждение министром народного просвещения. Вся эта процедура давала некоторые гарантии, что на директорские должности попадут лица, подготовленные к ее занятию; 2) множественность источников формирования директорского корпуса.

Царствование императора Николая I (1825—1855)

В годы царствования Николая I была проведена реформа среднего образования. 8 декабря 1828 г. принят новый Устав гимназий¹⁶, по которому сохранялось избрание директора гимназии университетом. Директор утверждался министром народного просвещения. Новым было то, что по § 138 директор избирался предпочтительно из чиновников, имеющих

ученую степень и исправлявших должность инспекторов в гимназиях. Избранный директор утверждался министром народного просвещения. Здесь необходимо указать на то, что впервые, по сравнению с периодом правления Александра I, указан только один источник формирования директорского корпуса гимназий — лицо с ученой степенью из числа инспекторов гимназий. Также отметим и то, что директорская должность выступала в качестве награды для проявивших свои лучшие качества инспекторов.

Устав 1828 г. ввел новую руководящую должность в гимназии — инспектора, который являлся помощником директора по воспитательной и учебной части. Инспектор, согласно § 140, «назначается Университетом и утверждается Попечителем». Причем источником для формирования института инспекторов по мысли законодателя должны были стать старшие учителя гимназии, из числа «отличившихся усердием, исправностью и успехами в преподавании». Иначе говоря, должность инспектора играла роль награды для лучших старших учителей.

Итак, §§ 138 и 140, на первый взгляд, говорили о том, что руководящий состав гимназий формировался за счет учителей, которые к тому же должны были иметь ученые степени (директор — из числа инспекторов, инспектор — из числа старших учителей). Но Устав 1828 г. вносил в формирование директорского корпуса и другие возможности. В частности, это следует из распоряжения Министерства народного просвещения (МНП) от 5 мая 1838 г. «Об освобождении Директора и Инспектора Митавской Гимназии от занятий по преподаванию». Согласно § 41 «Устава учебных заведений, подведомых Императорскому Дерптскому Университету» (1820 г.), директор гимназии должен был давать в неделю 4 урока. Попечитель Дерптского учебного округа обратился к министру народного просвещения с просьбой освободить директора Митавской гимназии от обязанности давать уроки «по обширности занятий во вверенной ему дирекции». Министр народного просвещения С. С. Уваров согласился с этой мерой, но, вместе с тем, признал, «что от таковой обязанности должен быть освобожден, применяясь к Уставу учебных заведений 8 декабря 1828 г., и Инспектор Гимназии»¹⁷. То есть, Устав 1828 г. не требовал теперь обязательного совмещения директорской должности с преподаванием учебных предметов в гимназии. Это, в свою очередь, давало возможность проникать на руководящие должности в гимназии и лицам, не являвшимся учителями и не имевшим ученых степеней. Но некоторым препятствием к этому служила процедура избрания директоров гимназии университетами.

§ 139 Устава 1828 г. содержал перечень требований, предъявляемых к кандидатам на директорскую должность: «Директор, кроме основательных знаний, необходимых для суждений о способностях учителей и образе их преподавания, должен иметь свойства, нужные для управления училищем, ему подведомственным; а по нравственности своей быть достойным Правительства и родителей, коих дети поручаются его главному смотрению».

8 марта 1834 г. министр народного просвещения С. С. Уваров особо обратил внимание попечителей учебных округов на формирование директорского корпуса. В этот день был подписан и разослан циркуляр «О правилах касательно выбора в Директоры училищ». В нем министр, ссылаясь на необходимость устранения всех препятствий для усовершенствования вверенных ему учебных заведений, указал, что «одним из важнейших средств к приведению сих заведений в цветущее состояние есть осмотрительный, неспешный выбор благонадежных Директоров училищ». Министр писал: «Непрестанные опыты подтверждают, что от усердного содействия видам Министерства, или небрежения сих чиновников, <...> зависит успешное стремление их к предназначенной цели и вместе с тем приобретение общественной достоверности или упадок и расстройство оных ко вреду про-

свещения». Министр указывал попечителям на необходимость «иметь самое строго наблюдение за выбором Директоров училищ». Далее он распорядился принять попечителям к руководству правила о выборах директоров: «1) Решительное утверждение в сем звании испрашивать только способным, достаточно известным во всех отношениях, по прежней службе в Министерстве Народного Просвещения или по другим обстоятельствам, о коих представлять особо на мое рассмотрение. 2) При недостатке в совокупности таковых удостоверений, стараться по возможности о желающих поступать в Директоры училищ собирать все нужные сведения, и при благоприятстве полученных об них от разных мест или лиц отзывов, допускать их сначала только к исправлению должности Директора, об утверждении же в сем звании представлять не прежде, как по совершенном убеждении училищного начальства в их усердии, способности и благонадежности»¹⁸. Таким образом, этот циркуляр впервые, пожалуй, открыто среди других требований к кандидатам на директорскую должность — способности и известность — ввел новое условие — благонадежность. Другим значением циркуляра было то, что он вводил бессрочный, по сути, испытательный срок для лиц, избранных в университетах на должность директора училищ. Заметим, что этот испытательный срок, во-первых, носил обязательный характер, во-вторых, был действителен для всех директоров и классность чиновника, оказавшегося на этой должности, не отменяла его. Добавим и то, что временные рамки этого испытательного срока зависели полностью от попечителя учебного округа.

В 1835 г. во всероссийском масштабе начал реализовываться подход, основанный на изоляции университетов от непосредственного участия в формировании руководства средних школ. «Положение об учебных округах» (25 июня 1835 г.)¹⁹ и «Общий Устав Императорских российских университетов» (26 июля 1835 г.)²⁰ привели к преобразованию системы управления и руководства учебными заведениями. В этих документах уже ничего не говорилось об избрании университетами директоров гимназий. А в «Положении об учебных округах» существенно повышалась роль попечителя учебных округов в формировании директорского корпуса.

С принятием Университетского устава 1835 г. прекратило свое действие правило об испытательном сроке для директоров гимназий, которое было введено министерским циркуляром от 8 марта 1834 г., поскольку теперь кандидатуры директоров и инспекторов попечитель подбирал самостоятельно. Кстати, положение с руководящими кадрами гимназии несколько улучшилось, что было связано с облегчением чинопроизводства. Так, 20 января 1836 г. было принято постановление МНП «О порядке утверждения инспекторов гимназии в чине 8 класса»²¹. Если до этого чиновник, назначенный на должность инспектора из старших учителей (9 класс — титулярный советник), должен был выслуживать чин 8-го класса 5 лет, то теперь срок выслуги сокращался до 4-х лет.

18 ноября 1836 г. было принято «Положение о производстве в чины и об определении пенсий и единовременных пособий по учебной части Министерства народного просвещения»²², согласно которому «чиновники, состоящие при учебных заведениях в действительной службе, могут быть производимы, без перевода из одной должности в другую, тремя чинами выше присвоенной каждой должности класса» (§ 5). Иначе говоря, директор гимназии, должность которого соответствовала чину 7-го класса (надворный советник), мог дослужиться до 4-го класса (действительный статский советник), т. е., как тогда говорили, до статского генерала²³. В свою очередь, старший учитель гимназии, должность которого соответствовала чину 9-го класса (титулярный советник), мог, не дожидаясь назначения на должность инспектора (чин 8-го класса) или директора (чин 7-го класса), дослужиться до чина 6-го класса (коллежский советник). Естественно, что выслуга чинов не сопровождалась только

формальным пребыванием на службе определенное количество лет. Для получения очередного чина также требовались отличные характеристики от начальства. Во всяком случае, новые правила чинопроизводства, во-первых, делали службу в гимназии весьма привлекательной; во-вторых, формировали резерв руководящих кадров средней школы. Именно из числа этих учителей, выслуживших чин 8-го, 7-го и 6-го класса, можно было в дальнейшем подбирать удобные кандидатуры на должности директора и инспектора.

Революции 1848 г. в Европе привели к усилению реакции в деле народного образования. В частности, в циркуляре от 19 марта 1848 г. министр народного просвещения С. С. Уваров обратился к попечителям учебных округов с требованием обратить внимание «на благонадежность начальников, употребленных к образованию юношества».

Таким образом, в годы царствования императора Николая I произошел ряд важных изменений в деле формирования руководящего состава гимназий: во-первых, университеты потеряли право избрания директоров; во-вторых, дело подбора и назначения руководящих кадров оказалось в руках попечителя и министра народного просвещения. Заметим, что в 1834 — 1835 гг. (до принятия нового Университетского устава) существовал, введенный министром народного просвещения, бессрочный испытательный срок для всех директоров школ.

Что касается источников рекрутирования руководящего состава гимназий, то важнейшим из них оставались учителя гимназии, но были созданы условия и для проведения на руководящие должности и лиц, не имевших ученых степеней и прямого отношения к учительской среде. Этот недостаток в кадровой политике формировался Уставом 1828 г. Но одним этим Уставом дело не ограничивалось. Во-первых, необходимо помнить, что мощный удар по научно-педагогическим источникам рекрутирования директорского корпуса также нанесли «Положение об учебных округах» и Университетский устав от 1835 г., которые выкинули университеты из процедуры формирования руководства гимназий. Во-вторых, бюрократизация «избрания» директоров, т. е. назначение их попечителями с последующим утверждением министром народного просвещения, тоже не могли не сказаться на составе директорского корпуса гимназий. Тут же заметим, что к концу царствования Николая I получила распространение практика назначения попечителями генерал-губернаторов, которые наполняли руководство гимназий чиновниками, а не учителями. В-третьих, среди условий, которые выдвигались к кандидатурам на руководящие должности, все большее значение приобретала политическая благонадежность. Заметим, что университетские профессора в николаевскую эпоху находились под подозрением и поэтому поиски директорских и инспекторских кадров шли не среди них, а среди чиновников гражданского ведомства, не имевших отношения к делу преподавания в университетах, а также среди чиновников военного ведомства. В-четвертых, льготные правила чинопроизводства должны были привлечь к работе в гимназиях карьеристов, жаждущих удобного получения очередного чина.

Царствование императора Александра II (1855 — 1881)

В годы правления Александра II были проведены реформы, которые дали основание называть это время «Эпохой Великих реформ». Реформирована была и система народного образования. Некоторые изменения произошли и в кадровой политике в области среднего образования.

По «Уставу гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 19 ноября 1864 г.²⁴, который ввел разделение гимназий на классические и реальные, руководящий состав средней школы (директор и инспектор) формировался следующим образом. § 13 указывал, что директор гимназии и инспектор гимназии и прогимназии

избираются попечителем учебного округа и утверждаются в должности: директор — министром народного просвещения, а инспектор — попечителем учебного округа.

О характере подготовки директора и инспектора к занятию своих должностей говорил § 14, согласно которому в должности директора и инспектора «преимущественно избираются лица, приобретшие ученую степень в одном из высших учебных заведений Империи и обратившие на себя внимание службой по учебной части ведомства Министерства Народного просвещения». Новым здесь было то, что, во-первых, указывалось на необходимость для кандидата на директорскую должность получить высшее образование в одном из высших учебных заведений России. Несомненно, это положение перекликалось с мерой из эпохи царствования Николая I, согласно которой детей можно было воспитывать только в России: юноши, обучавшиеся до 18 лет за границей, лишались права поступать на гражданскую и военную службу. Во-вторых, яснее и понятнее говорилось о чиновничьих кадрах, как источнике рекрутирования директорско-инспекторского корпуса: речь шла о чиновниках МНП. Но все эти источники не возводились в абсолют. Законодатель оставил лазейку для пополнения руководства гимназии и за счет других лиц, так как ввел в §14 понятие «преимущественно». Кстати, устав 1864 г. повысил классность должностных лиц гимназии: директор — 5-й класс (статский советник), а инспектор — 6-й класс (коллежский советник); утверждение в чинах: директор — 9 лет выслуги, инспектор — 4 года. Цель этого нововведения, несомненно, состояла в том, чтобы привлечь к руководящей работе в гимназии людей, стремящихся к карьерному росту.

Конечно, устав 1864 г. предполагал, что руководящий состав будет формироваться в первую очередь за счет лиц, имеющих отношение к преподаванию — профессоров высших учебных заведений и учителей гимназий. Действительно, по классности на должность директора подходил ординарный профессор, а инспектора — экстраординарный. По Университетскому уставу от 18 июня 1863 г.²⁵ должности ординарного профессора соответствовал 5-й класс «Табели о рангах», а должности экстраординарного профессора — 6-й класс.

Эта же идея (привлечение преподавателей на руководящие посты в гимназиях) проводится в примечании к § 10, в §§ 18, 22, 33 и 96 устава 1864 г.: «Наилучшие во всех отношениях результаты могут быть достигнуты учебными заведениями лишь в том случае, когда дело воспитания и дело обучения будут сосредоточены в одних и тех же руках, когда директор и инспектор со свойственным их званию авторитетом власти будут соединять и тот нравственный авторитет, которым обыкновенно пользуются учителя в глазах учеников, и когда, с другой стороны, к нравственному авторитету учителей будет присоединена та доля авторитета власти, которая принадлежит лицам учебно-воспитательной инспекции». Именно поэтому устав 1864 г. провел две меры: 1) возложил обязанности инспектора на одного из преподавателей, но только в тех гимназиях, где менее 200 учеников (прим. к § 10); 2) предписывал директору и инспектору давать уроки, правда, без всякого вознаграждения (§§ 18, 20). Но и здесь существовали возможности проникновения на руководящие должности лиц, не имевших отношения к преподавательскому миру. Устав 1864 г. оставлял за попечителем учебного округа право вводить или не вводить для руководства гимназией преподавание учебных курсов, т. е. предписание директорам и инспекторам «давать уроки» не носило обязательного характера. Дополнительной мотивировкой к тому, чтобы «не давать уроков», было указание на их бесплатность. Кстати, по уставу 1864 г. инспектор мог быть и не из числа штатных преподавателей гимназии (прим. к § 10).

В 1871 — 1872-х гг. средняя школа вновь была реформирована. Вместо реальных и классических гимназий были оставлены только классические (устав 1871 г.). Через год

после этого были учреждены другие средние учебные заведения — реальные училища (Устав 1872 г.).

«Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 30 июля 1871 г.²⁶, как и устав 1864 г., указывал: «Директоры гимназии и инспекторы гимназий и прогимназий избираются попечителями учебного округа и утверждаются в должностях: первый министром народного просвещения, а последний — попечителем учебного округа» (§ 39). Так же, как и устав 1864 г., устав 1871 г. говорил об источниках рекрутирования директорско-инспекторских кадров: «В должности директора гимназии и инспектора гимназии и прогимназии²⁷ преимущественно избираются лица, приобретшие ученую степень в одном из высших учебных заведений Империи и обратившие на себя внимание службою по учебной части ведомства Министерства народного просвещения» (§ 40). Устав 1871 г. устанавливал, как и Устав 1864 г., классность должностных лиц гимназии (§ 122). Тем самым, во-первых, подтверждалось стремление законодателя сделать руководящие должности привлекательными и для чиновников, не работавших по учебной части в гимназиях. Кстати, § 48 прямо указывал на возможность того, что инспектор мог быть назначен «и не из числа штатных преподавателей».

Как и предыдущие уставы, Устав 1871 г. рассчитывал пополнять должности директоров и инспекторов за счет учителей и профессоров. Именно поэтому он и вводил такой организационно-методический принцип: «Внести большее единство в учительскую коллегию, с одной стороны, путем некоторого расширения власти директора, а с другой — путем привлечения директора и инспектора к преподавательской деятельности»²⁸. § 44 прямо указывал, что «Директор состоит преподавателем во вверенной ему Гимназии и получает за даваемые им уроки равное с прочими преподавателями вознаграждение из штатной суммы, как за уроки дополнительные, соразмерные с их числом». § 47 гласил, что инспектор, как помощник директора, «в случае его болезни или отсутствия, вступает во все его права и обязанности». Это положение можно трактовать и так, что инспектор должен был давать уроки за отсутствующего (заболевшего) директора. § 48 указывал, что инспектор гимназии «становится в ней преподавателем и получает за даваемые им уроки равное с прочими преподавателями вознаграждение из штатной суммы, как за уроки дополнительные, соразмерные с их числом». И в первом (для директора), и во втором (для инспектора) случаях, число уроков не должно было превышать 12.

Естественно предположить, что директора и инспекторы, привлекаемые Уставом к преподавательской деятельности, должны были иметь опыт такой работы, т. е. быть из учителей или из числа профессорско-преподавательского состава вузов России. Но опять же это правило не возводилось в абсолют. Дело в том, что для директора число уроков определялось попечителем учебного округа. А для инспектора — директором гимназии в результате обсуждения этого вопроса в Педагогическом совете и утверждалось попечителем учебного округа. Как видим, слово попечителя было решающим, и он мог вообще оставить и директора, и инспектора без часов, зная, например, что они не в состоянии давать уроки. Далее, в примечании к § 44 говорилось о том, что привлечение директоров к преподаванию — правило, которое «приводится в исполнение постепенно, по усмотрению Министра народного просвещения». Гипотетически можно было бы предположить, что и министр мог не спешить с проведением этого правила в жизнь, если бы среди руководства гимназий преобладали выходцы из не учительской (не преподавательской) среды. Но, судя по всему, именно эти лица и составляли подавляющую часть директорско-инспекторского состава гимназий.

Кстати, это видно из Всеподданнейшего отчета Министерства народного просвещения за 1871 г., в котором министр народного просвещения Д. А. Толстой писал: «Почти все

директора и инспектора начали преподавать (главным образом, древние языки и математику в старших классах)»²⁹. То есть, большинство директоров гимназий в этот период были из числа учителей древних языков и математики. Относительно математиков-директоров каких-либо конкретных сведений выявить не удалось. Но известно, что во время министерства Толстого из числа директоров гимназий и прогимназий 103 преподавали древние языки и только 32 — русский язык. В либеральной среде, кстати, считалось, что такое засилье «классиков» на руководящих должностях недопустимо.

В апреле 1880 г. Комиссия, утвержденная Александром II, пришла по этому поводу к следующему заключению о разделении предметов преподавания между директором и инспектором: чтобы одного назначать по отделу словесному, а другого по отделу математики. Это соображение было передано министру народного просвещения. 19 июля 1880 г. последовал циркуляр министра народного просвещения А. А. Сабурова, чтобы попечители учебных округов назначали директорами и инспекторами гимназий не только преподавателей древних языков. Министр предлагал попечителям распределять эти должности более равномерно между различными специальностями³⁰.

15 мая 1872 г. был утвержден «Устав реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения»³¹. § 35 указывал, что директора и инспекторы реальных училищ избираются попечителями учебных округов и утверждаются в должностях: директора — министром народного просвещения, а инспекторы — самим попечителем. Требования к директорам и инспекторам реальных училищ несколько отличались от требований, предъявляемым к директорам и инспекторам гимназий. В § 36 Устава 1872 г. говорилось следующее: «В должности Директора и Инспектора Реального училища избираются лица, окончившие курс в одном из высших учебных заведений Империи и обратившие на себя внимание службой по учебной части или трудами по техническим наукам». Новым было то, что одним из источников пополнения кадров директоров и инспекторов стала техническая интеллигенция. Все остальные источники формирования руководящих кадров реальных училищ были такие же, как и в гимназиях: классные чиновники, учителя и профессора. Необходимо разъяснить, что при преобразовании реальных гимназий в реальные училища руководящий состав сохранил свои места. Причем даже в том случае, если реальное училище создавалось с меньшим числом классов, чем гимназия, директора и инспекторы сохраняли получаемое ими содержание, «доколе они будут оставаться при тех же училищах».

Таким образом, благодаря реформе среднего образования, проведенной во время царствования императора Александра II, важнейшим источником для формирования директорского корпуса средних общеобразовательных учебных заведений стали чиновники ведомства Министерства народного просвещения, а важнейшее место среди них заняли учителя и, возможно, профессора (преподаватели) высших учебных заведений, в том числе и технических. Вместе с тем реформаторы не ставили своей целью вернуть университетам ту роль учебно-организационных центров, которую они играли во времена Александра I. Все дело подборки, назначения и представления директорских кадров для утверждения оставалось в руках попечителя учебных округов, а само утверждение назначенных лиц проводил министр народного просвещения.

Царствование императоров Александра III (1881 — 1894) и Николая II (1894 — 1917)

В годы царствования Александра III каких-либо серьезных подвижек в вопросе формирования директорского корпуса средних учебных заведений не произошло. Так, реформа реальных училищ от 9 июня 1888 г. сохранила все прежние подходы в вопросе

рекрутирования руководства этих средних учебных заведений. Новых уставов гимназий во время Александра III не принималось.

Директорский корпус средней школы незначительно вырос. К 1 января 1882 г. насчитывалось 155 директоров и 177 инспекторов гимназий и прогимназий ведомства МНП, а к 1 января 1895 г. директоров уже было 186, а инспекторов 190 человек. Схожие процессы шли и по другим средним учебным заведениям МНП. Так, при реальных училищах в 1882 г. состояло 88 директоров и 64 инспектора, а в 1894 г. соответственно — 104 и 101³².

Что касается директоров и инспекторов гимназий и прогимназий, то подавляющее большинство из них, если верить официальным данным, происходило из учительской среды. Об этом свидетельствует тот факт, что пропущенные учителями из-за болезни и т. д. уроки «замещались директорами и инспекторами». По официальным данным, из директоров и инспекторов «почти все разделяли в тоже время труды прочих учителей по преподаванию различных предметов курса и по званию классных наставников, согласно уставу гимназии». В «Обзоре деятельности ведомства Министерства народного просвещения» за 1881—1894 гг. упоминается о том, что «отступление от этого общего правила (т. е. работа директора в качестве учителя-предметника. — *А. Н.*) составляли весьма редкие исключения»³³. Это можно понимать и так, что какое-то небольшое число руководящих работников гимназий и прогимназий были не из числа учителей.

В годы царствования Николая II вопрос о среднем образовании получил дальнейшее развитие как на уровне уточнения и разъяснения уже имевшихся уставов, так и на уровне принятия новых документов. Но и в первом, и во втором случае каких-либо серьезных подвижек в вопросе о формировании директорского корпуса не установлено.

Таким образом, в годы царствования императоров Александра III и Николая II произошло окончательное укрепление учительства как практически единственного источника для пополнения руководящих кадров средних учебных заведений. Никакой специальной подготовки кадров директоров и инспекторов не велось. Даже революция 1905 — 1907 гг. не поколебала принципов формирования руководящих кадров и управления средней школы, хотя педагогическая общественность и требовала передачи дела руководства школой в руки коллегии из педагогов³⁴. Временное правительство, пришедшее к власти в результате Февральской революции 1917 г., не успело внести сколько-нибудь серьезных изменений в дело формирования руководящего кадра средней школы.

На протяжении XVIII — начала XX в. происходило становление и развитие системы среднего образования в Российской империи. Важнейшей проблемой среднего образования являлся кадровый вопрос, который состоял из двух частей: подготовка учителей и подбор руководящих кадров. Уже на начальном этапе истории средней школы использовались различные формы, методы и средства подбора руководящего кадра. Основная цель подбора — выявить наиболее подготовленных к занятию руководящих должностей лиц. Считалось, что наиболее подготовленными к этим должностям могут быть лица, имевшие высшее образование и ученую степень. Причем за недостатком отечественных ученых в поисках кандидатур обращались к заграничным кадрам. Однако иностранные профессора, пусть и являвшиеся хорошими и даже известными учеными, не всегда подходили на руководящие должности. Последнее вызывалось тем, что они, во-первых, не знали русского языка, и это приводило к непониманию между гимназистами и профессорами; во-вторых, даже те из иностранных ученых, которые имели педагогический опыт, не могли его вполне использовать в России, так как не понимали «нравов русской молодежи». Эта ситуация привела к подвижкам в понимании того, насколько готов тот

или иной иностранный ученый (профессор) к занятию руководящей должности в гимназии. В частности, при подборе кадров стали учитывать знание русского языка и наличие педагогического опыта в российских условиях (например, содержание пансионата для детей русских дворян). В целях выяснения уровня подготовленности кандидата к занятию руководящей должности проводили экзаменовку. Но эта форма не нашла широкого применения (известен только один случай экзаменовки на должность ректора Академической гимназии). Затем в Академической гимназии стал использоваться принцип опоры на кадры из числа «природных русских людей». Но уже во время создания главных народных училищ большее внимание уделялось учености и педагогическому опыту, чем «природному» происхождению, а обсуждение кандидатур директоров заменялось протекцией и властным решением генерал-губернаторов. В большинстве случаев последнее приводило к тому, что директорами главных народных училищ становились люди мало-подготовленные к занятию этой должности.

Реформы Александра I превратили университеты в организационно-учебные центры. Именно в университетах избирали директоров гимназий, которые затем представлялись попечителями учебных округов на утверждение министра народного просвещения. Уже сама процедура избрания директоров в университетах являлась, на наш взгляд, своеобразным испытанием, которое давало некоторые гарантии того, что директорскую должность займет человек, подходящий по всем параметрам для руководящей работы. Предполагалось, что основными источниками для пополнения руководящих должностей в гимназии будут: 1) профессора университетов; 2) старшие учителя гимназий; 3) классные чиновники. В это же время был выработан и законодательно закреплён целый ряд условий для занятия должности директора: 1) определенная классность чина; 2) наличие высшего образования; 3) наличие ученой степени; 4) опыт преподавательской работы. Весьма любопытным является тот факт, что именно во время либеральных реформ в образовании, которые проходили во время царствования Александра II, на деле сложилась порочная система, когда директора, не имеющие необходимого для занятия этой должности чина 7-го класса, оказывались в состоянии лица, проходящего испытательный срок. При этом срок этот составлял несколько лет службы.

В годы царствования Николая I требования к кандидатурам на директорские должности возрастали за счет все большего внимания к вопросу о политической благонадежности будущего руководителя. Вновь был введен при вступлении в должность испытательный срок для директоров гимназий, но уже для всех и вне зависимости от того, в каком чине состоял кандидат в директора. Испытательный срок был отменен только после того, как по новому законодательству университеты были отстранены от избрания директоров. Подбор кадров и их представление на утверждение министра народного просвещения были сосредоточены в руках попечителей учебных округов. Иначе говоря, произошла бюрократизация процедуры формирования директорского корпуса. Ставка при формировании директорского корпуса формально делалась на учительство, но в действительности поиски руководящих кадров шли в направлении чиновничества, даже тогда, когда кандидат не имел никакого отношения к преподавательской работе. Это тоже свидетельствовало об усилении бюрократических подходов в кадровом вопросе.

Реформы Александра II не вернули университетам права участия в избрании директоров гимназий. Но, в конечном счете, восторжествовал подход рекрутировать директоров из числа учителей гимназии, который сохранился в период царствования Александра III и Николая II.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сведения об Академической гимназии даются по: *Толстой Д. А.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 51. Кн. 1 (Приложение к тому 51 Записок Императорской Академии наук. № 2. С. 1 — 114).
2. *Балашов Е. М.* Академическая гимназия // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.; М., 2004. С. 22.
3. *Штейн Вл. Бакмейстер, Гартвиг Людвиг Христиан* // Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/7485/%D0%91%D0%B0%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80
4. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С. 74.
5. ПСЗ-1. Т. 22. № 16421.
6. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Стб. 10. По Уставу 1804 г. главные народные училища были преобразованы в гимназии.
7. ПСЗ-1. Т. 27. № 20597.
8. Там же. Т. 28. № 21501.
9. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Стб. 131 — 132.
10. Там же. Стб. 484.
11. Там же. Стб. 485.
12. ПСЗ-1. Т. 31. № 24483.
13. Там же. Т. 28. № 21501.
14. Там же. Т. 30. № 23771.
15. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. Стб. 1645.
16. ПСЗ-2. Т. 3. № 2502.
17. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Стб. 291.
18. Там же. Стб. 908 — 909.
19. ПСЗ-2. Т. 10. № 8262.
20. Там же. № 8337.
21. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 2. 1078.
22. ПСЗ-2. Т. 11. Ч. 2. № 9712.
23. Гражданский чин действительного статского советника соответствовал по «Табели о рангах» военному чину генерал-майора.
24. ПСЗ-2. Т. 39. Ч. 2. № 41472.
25. Там же. Т. 38. Ч. 1. № 39752.
26. Там же. Т. 46. Ч. 2. № 49860.
27. В прогимназии, согласно § 9 устава 1871 г., обязанности директора возлагались на инспектора.
28. *Ганелин Ш. И.* Очерки из истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1954. С. 66.
29. Цит. по: *Ганелин Ш. И.* Указ. соч. С. 75.
30. *Ганелин Ш. И.* Указ. соч. С. 81.
31. ПСЗ-2. Т. 47. Ч. 1. № 50834.
32. Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 252, 296.
33. Там же. С. 253.
34. *Константинов Н. А.* Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года. М., 1956. С. 98.